

СССР, его внешнюю культурную политику в 1920–1930-е гг. Почти все документы сосредоточены в нескольких фондах, достаточно хорошо систематизированы, что облегчает работу с ними.

Информация, содержащаяся в данных источниках, позволяет характеризовать внешнюю культурную и информационную политику СССР и ее реализацию рядом советских организаций. Вместе с тем, культурные контакты на уровне творческих союзов, гастрольная деятельность, контакты в области музыкального искусства, а также связи в сфере «революционного искусства» представлены в данных документах гораздо скромнее.

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 1, 148.
2. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 123.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 19.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 109.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 241.
7. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 16. Л. 63–67.
8. ГАРФ. – Ф. Р-9612. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 174.
10. ГАРФ. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 577. Л. 9–16.

Илизаров Б. С.
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ
(НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИИ СТАЛИНА)

Портрет есть изображение того
в человеке, что не имеет образа.

Б. П. Вышеславцев

Может ли быть у человека биография, а личности нет? Странный вопрос, но художественная литература полна примерами биографий, при отсутствии реального предмета описания. Например: у «Тени» Амадея Гофмана история есть, а предмет отсутствует, у «Носа» Николая Гоголя нет и намек на личность и, у «подпоручика Кижее», которого из случайного эхо сотворил Юрий Тынянов есть только имя, да и то беспредметное. Казалось бы, это все литература и художественные фантазии, а историк не смеет описывать то, чего не было в действительности, да еще апеллируя к источникам и фактам. Речь не идет о злонамеренной фальсификации или о подтасовке фактов биографии личности, которой историк восхищается или терпеть не может. Историк обычный человек, который бывает в меру глупым, бесталанным или безмерно продажным и восторженным. Нет, речь идет об ином: работаешь, работаешь, собираешь материал, раскрываешь потайные шкафчики и чуланы чужой души, пишешь книгу за книгой, читаешь биографии, панегирики и агиографии, а личности нет, как нет. Больше двадцати лет имея дело с архивом И. В. Сталина, написав о нем монографии и уйму другого, а теперь взявшись за его биографию, как итоговую работу, понял, что не вижу личности в том, кто знаменит на весь мир, кто правил железной рукой огромной страной [1]. Он тридцать лет возглавлял СССР, выиграл тяжелейшую войну, уничтожил миллионы своих людей в мирное время и в многочисленных войнах, провел радикальнейшие преобразования, которые, как их не оценивай, полностью изменили облик страны и окружающего ее мира. Кто все это сделал? Сталин? Джугашвили?

Уже с имени начинается расщепление. Дело, конечно, не в псевдониме. Псевдонимы были у Ленина, Троцкого, Каменева и у многих других. Но утверждать, что у Ленина или Троцкого не было ничего личностного, особенного, чего-то эдакого, сердцевидного, кроме фамилии, псевдонима и хроники жизни невозможно. Они были и добрыми и злыми, и вздорными, и глупыми, и прозорливцами и близорукими; в них было все как у большинства людей, будь то всемирно исторического или местечкового масштаба.

Джугашвили-Сталин: рожден в предпоследнее десятилетие XIX века, дважды женат, трое детей, годы нелегальной деятельности, ссылки, революция 1917 г., глава советского государства с 1923 г. и величайшей империи... Умер в марте 1953 г. Все это хорошо известно, обставлено множеством деталей, которых с годами становится все больше и больше, множа «штрихи к портрету». И я писал статьи с такими подзаголовками, пытаюсь воссоздать интеллектуальный и душевный облик героя. Обычно историческая биография государственного деятеля сводится к описанию его жизненного пути, оценкам его дел, поступков, взаимодействия с другими людьми. Но редко в исторической литературе можно встретить работу, вскрывающую интеллектуальную и творческую мощь или, тем более, ничтожность «героя». И почти никогда не открывается душевный, и еще более

важный духовный ландшафт, конечно, если они есть в наличии. Наверное, не надо объяснять специалистам, что людьми во все эпохи и времена управляли такие же люди очень разнообразных достоинств: были гении, но были и гении злодейства, были терпимые, коварные и просто дураки или душевнобольные правители. Умники нередко быстро теряли власть и жизнь, а мало талантливые или душевнобольные императоры, короли, халифы чаще умирали в своих постелях. Так в зависимости от индивидуальных качеств и в столкновении с действительностью у всех людей вырабатывается индивидуальный стиль жизни. Жизненный стиль любого человека не повторим, как отпечаток пальца или радужной оболочки глаза. Задача научной биографии заключена в том, чтобы за мешаниной фактов выявить индивидуальный жизненный стиль своего героя; то главное, что отличает его жизнь от других.

Известный советский филолог Г. Винокур, еще в двадцатых годах прошлого века рассуждая о сути исторической биографии, писал: «Стилизирующий свое поведение персонаж так сливается с тем образом и идеалом, который постоянно находится перед его внутренним взором, что перестает сознавать границы действительного и идеального, подлинного и фиктивного.... Так возникают фиктивные биографии, в создании которых главная доля участия принадлежит непременно самому герою» [2. с. 57–58]. Надо уточнить: так создается фиктивная **автобиография**, которая может стать, а может, и нет, основой такой же фиктивной **биографии**. Как это ни удивительно, но у Сталина при жизни не было ни автобиографий, ни биографий. А были многочисленные прижизненные жизнеописания, которые он почти всегда сам инспирировал, принимал участие в их составлении и редактировании. Все биографии были одновременно и автобиографиями, поскольку писались и издавались в СССР под его пристальным присмотром и должны были получить его личное одобрение. По моим наблюдениям, эта характеристика полностью относится ко всем автобиографиям и прижизненным биографиям Сталина, который, как инфантильный юноша выстраивал свою жизнь, ориентируясь на исторические и художественные образцы. Обычно, человек сложившийся в личность строит жизнь (биографию, судьбу), как хороший, плохой ли, но архитектор самого себя. Александр Македонский никогда не ориентировался ни на один исторический образец эллинистического или варварского мира, Цезарь и Наполеон лепили свою судьбу, не подражая и не оглядываясь на своих и чужих завоевателей или государственных деятелей. В крайнем случае, они украшались идеологическими декорациями: один – фасциями республиканского Рима, другой – мантией императора Карла Великого, объединителя Европы.

Тот стиль жизни, о котором говорил Винокур, характерен для краткого периода подросткового возраста или для взрослого человека по каким-то причинам до конца дней не сумевшего оформиться в подлинную, зрелую личность. Работая над раскрытием отдельных черт интеллектуального и духовного развития Сталина, довольно быстро обнаружил, что он постоянно апеллировал к многочисленным образам людей и героев и манипулировал ими, не только для того, чтобы обрести в них внутреннюю опору и оправдание для своих, часто очень неординарных и преступных решений. Не менее важно, что он жил этими образами, но не как актер, отыгравший роль и сразу вернувшийся к себе, а как человек одержимый наваждениями. Даже беспримерная жестокость, даже свойственная ему игровая манера поведения, говорят о не зрелости его души, о пустоте, которую всю жизнь ему надо было чем-то наполнять. Подчеркну, сталинские образы это не факты его биографии, а факты его переживаний, которые гораздо глубже объясняют его натуру, чем десятки биографических трудов. Вот малый перечень тех образов, которые инициировал и примерял на себя «великий вождь и учитель народов». Последняя часть фразы не слоган и не метафора, а одна из многочисленных личин, которые наряду с образами оформляли внешний каркас его биографии.

В промежутке между концом 20-х и концом 30-х гг., т. е. в период борьбы с оппозицией и волнами Большого террора, Сталин чувствовал себя особенно неуверенно, что вынудило его наполнять себя и окружающий мир (СССР) гротескными образами, как реальных людей, так и вымышленных. В их пестроте и несоразмерностях, трудно сразу заметить логику, хотя их направленность легко прочитывается. Сталин одновременно выстраивал свои дореволюционные и постреволюционные авто-биографии, которые были строго выверены хронологически и сфальсифицированы фактически. В создании образов: ведущего революционера Кавказа, первого, но рядом с Лениным руководителя партии, организатора революции 1917 г. и победы в гражданской войне, инициатора и организатора индустриализации, коллективизации и культурной революции в СССР, принимала масса людей, и использовались все средства государственной пропаганды. Для литературного оформления партийных автобиографий вождя было привлечено несколько десятков ближайших партийных и государственных деятелей, от И. Товстухи и Л. Берия и до К. Ворошилова и К. Радека. К началу 30-х гг. Сталин считал себя избранником судьбы, а может быть назначенцем самого Бога.

Для внушения этой мысли разному племенному населению выбрал несколько выдающихся литераторов с мировым именем и кого элементарным подкупом, кого личным обаянием, а кого и запугав, домогался книг о себе. И началось. Их писали и в стиле строгой, якобы документированной биографии, или в стиле воспоминаний партийных и боевых соратников, а были и такие, которые писали их на манер агиографии. Это еще одна разновидность его жизнеописания, составленная в духе Евангелия, где партийного вождя во френче мышиноного цвета величали «Спасителем!». Здесь особенно отличился А. Барбюс, автор книг о первой мировой войне и светской биографии Иисуса Христа. Каждый выбор автора, конечно, был не случаен. Из знаменитостей надо назвать Л. Фейхтвангера, Ж.-Р. Блока и др.

Наиболее важным было обращение к идейному и литературному наследию В. Ленина, Л. Троцкого, А. Гитлера, на кого он в разные годы равнялся, на кого открыто или скрыто ссылался, с кем боролся и с кем находился в напряженном внутреннем диалоге. Он был причастен к смерти каждого из них, и они после смерти были с ним дольше всех. Если первых двух Сталин знал лично и поэтому мог выстраивать их образы и внутренние диалоги самостоятельно, то последним он интересовался накануне войны, во время войны и, особенно, после неё. Это те исторические фигуры, которые тенью влачили за ним до самой смерти. По краям этого совместимого только в его душе круга современников, находились исторические герои древности: Петр 1, Александр Невский, Кромвель, Чингисхан, Батый, Тамерлан, Цезарь и, конечно же, Иван Грозный. В свой стан он призвал их по мере пропагандистской необходимости или для своей внутренней устойчивости. Над этой группой образов трудились наряду с писателями, кинодеятелями, драматургами, крупные историки: Р. Виппер, Е. Тарле, И. Смирнов и др. А еще он периодически представлял себя великим ученым всех наук (присвоили звание почетного академика, человеку не окончившему школу!), но особенно считал себя сведущим в области истории, марксистской философии, языкознания, политэкономии, в биологии, генетике, агрономии, в военной стратегии и боевой тактике... Завершил войну в мундире «Генералиссимуса», хотя был только политическим руководителем, чуть не поставившим страну на колени. До конца дней он дополнял свою биографию эпохальными достижениями, но после войны равных себе в истории уже не находил. Умер, конечно, не Джугашвили, но и не Сталин. С его смертью враз окостенела вся груда собранных им образов. Когда мы ее, наконец, разберем, то неизвестно что увидим, да и увидим ли что?

Его научная биография, укладывается в краткую справку-объективку: родился, пять раз был в ссылках, проспал Октябрьский переворот на квартире Аллилуевых, как будто случайно и без больших усилий получил неограниченную власть над многомиллионными народными массами, уничтожил всех своих соперников, бывших друзей, соратников, почти всех родственников. Переселял людей целыми народами. Уничтожил трудовое крестьянство, добил боевое казачество, старую и постреволюционную интеллигенцию, уничтожил кадровый состав дореволюционной и революционной армии, уничтожил, уничтожил.... Да, кто он? Ответ в новой книге.

1. Илизаров, Б. Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива / Б. Илизаров. – 7-е. изд. – М. : Вече, 2019 ; Илизаров, Б. Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1953 г. и проблемах с нею связанных / Б. Илизаров. – М. : Вече, 2016; Илизаров, Б. Сталин, Иван Грозный и другие / Б. Илизаров. – М. : Вече, 2019.
2. Винокур, Г. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. Винокур. – М. : Русские словари, 1997.

Бараненко В. В.

**АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ ОСВЕДОМИТЕЛЕЙ НКВД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ 1930-Х ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ПОЛОЦКЕ)**

Одной из наиболее важных групп документальных источников органов государственной безопасности, имеющих определенную специфику, для исследователя религии являются оперативные материалы. Органы ВЧК – ГПУ – НКВД БССР имели право собирать информацию с помощью «оперативных возможностей». Под этим термином понимались сведения, получаемые от осведомителей, агентов, секретных сотрудников, путем негласного наблюдения за людьми и выявления интересующих органы данных.

Органы государственной безопасности сочетали информационно-аналитическое обслуживание партийного руководства страны с выполнением карательных функций. Понятие «безопасность